

DOI

УДК 94(47). (571. 51). 084. 3. 5

СОВЕТСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРИИ НА ЕНИСЕЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

А. П. Шекшеев

Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий,
Абакан, Россия; email: Turan47@yandex.ru

Публикуемая здесь статья посвящена освещению создания и функционирования советских тюремных учреждений и концентрационных лагерей на территории Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. Используя многочисленные архивные документы, автор свидетельствует о том, что в обстановке завершения Гражданской войны местная пенитенциарная система значительно расширилась. Она состояла не только из «старых» мест заключения, но и лагерей, которые содержали возросшее количество политических заключенных, в основном военнопленных белой армии. Находясь в тяжелых бытовых условиях, они занимались общественно-полезным трудом и стремились к культурному развитию. Назревшая реформа карательно-исправительных учреждений обусловила сокращение финансовой обеспеченности пенитенциариев, падение уровня содержания заключенных и сокращение их численности. В данной ситуации лагеря подверглись закрытию, а тюрьмы – реорганизации.

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, бытовые условия, заключенные, коммунисты, лагеря, пенитенциарии, принудительный труд, советская власть, тюрьмы

SOVIET PENITENTIARIES ON THE YENISEI IN THE FIRST HALF OF THE 1920S.

A. P. Sheksheev

Khakass Republican Association of Victims of Political Repression, Абакан, Россия; email: Turan47@yandex.ru

The article published here is devoted to the creation and functioning of Soviet prisons and concentration camps in the territory of the Yenisei province in the first half of the 1920s. Using numerous archival documents, the author testifies that in the context of the end of the Civil War, the local penitentiary system has expanded significantly. It consisted not only of «old» places of detention, but also of camps that held an increased number of political prisoners, mostly prisoners of war of the White army. Being in difficult living conditions, they were engaged in socially useful work and aspired to cultural development. The overdue reform of penal institutions has led to a reduction in the financial security of penitentiaries, a drop in the level of detention and a reduction in their number. In this situation, the camps were closed and the prisons were reorganized.

Keywords: Yenisei Siberia, living conditions, prisoners, communists, camps, penitentiaries, forced labor, soviet government, prisons.

Введение. Доставшаяся в наследство большевикам пенитенциарная система требовала больших изменений, создания иных форм наказания и даже перевоспитания лиц, ставших ее узниками. Гражданская война не причинила разрушения находящимся на территории Сибири и, в частности, Енисейской губернии тюремным учреждениям, которые с воцарением советской власти должны были функционировать соответственно с «Временной инструкцией о лишении свободы» от 23 июля 1918 г. и сентябрьским того же года Декретом Совнаркома (СНК) РСФСР о «красном терроре». Но для содержания множества военнопленных германской войны и

белой армии, а затем и уголовных преступников чекисты, действуя согласно постановлению ВЦИК РСФСР от 15 апреля 1919 г., были вынуждены создавать еще и специальные лагеря, переданные под управление НКВД республики.

Создание и функционирование советских пенитенциариев в целом по стране изучались историками [см., например: Белова, 2013; Смыкалин, 2015]. Но освещение этой темы на материалах Сибири и Приенисейского края [Киселев, 1991, 1992; Иванова, 1994, 1996; Комарова, 2007; Строй, 2017; Шубникова; Во глубине сибирских руд...] в основном осуществлялось только краеведами, официальными лицами системы наказания и ограничилось рассказом о содержании военнопленных германской войны. Состояние и деятельность же других мест заключения так и остались за пределами внимания авторов.

Основная часть. С воцарением в Красноярске советской власти 11 января 1920 г. были созданы юридический отдел и три следственные комиссии, которые к 21 января разгрузили местную тюрьму и освободили 700 политических заключенных¹. 22 января в составе отдела юстиции губернского ревкома образовался карательный подотдел, состоявший из заведующего Васильева и трех сотрудников. Созданные в его составе сельскохозяйственное, инженерно-строительное, врачебно-санитарное и распределительное отделения должны были заниматься организацией мест лишения свободы.

Ликвидация белого воинства сопровождалась заполнением помещений Красноярской тюрьмы пленными: в узилища были брошены 1,8 тыс. бывших белых офицеров, судьбу которых решали органы ВЧК и ревтрибуналы

¹ Государственный архив Красноярского края (далее – ГА КК). Ф. Р-49. Оп. Оп. 2 с. Д. 6. Л. 11.

[Киселев, 1991, 17 августа]. С введением в Красноярске военного положения и комендантского часа пленные были сосредоточены в специальном концлагере, созданном местными властями в пяти верстах от города на территории военного городка. «Одних садили в тюрьму, других расстреливали, третьих эвакуировали из Красноярска в Вологодскую губернию, немногих отпускали», – рассказывал очевидец [Борис Смирнов]. Другой же сообщал, что тюрьма, лагерь и подвалы «чрезвычайки» были переполнены, их обитатели вымирали от эпидемии тифа [Судьба колчаковской армии, 1921, 10 августа].

С приездом в Красноярск чекистов из Москвы борьба с контрреволюцией здесь приняла усиленный характер. Места заключения стали загружаться людьми, которых арестовывали не только как участников «заговоров» и членов «контрреволюционных организаций», но и жертв личных оговоров. На 7 июня 1920 г. численность заключенных в Красноярском Доме лишения свободы (ДЛС) увеличилась до 644 арестованных. Чекисты обзавелись и собственной следственной тюрьмой. К августу того же года ее контингент состоял из 723, но после следственных действий и осуждения – 330 лиц. Вскоре данная тюрьма была переведена в разряд обычных изоляторов, подотчетных карательному подотделу отдела управления губернского исполкома (ГИКа) и страдавших крайней ограниченностью денежных средств [Шекшеев, 2021, с. 48–49, 62–63].

Повторяя общую тенденцию, тюремные учреждения Енисейской губернии оставались «грязными, сырыми, с расхищенным инвентарем и разбежавшимся надзором, с больницами, переполненными заразными больными». Служащим карательного подотдела пришлось срочно заниматься налаживанием хозяйственного аппарата Красноярской тюрьмы, поиском продовольствия, дров и оборудованием бани. Численность заключенных в пяти тюрьмах региона, по свидетельству официальных органов, выросла до 3,4 тыс. человек [Во глубине сибирских руд...], что намного превышало их возможности. К примеру, переполненностью страдала Ачинская тюрьма,

рассчитанная только на 167 заключенных. С целью её разгрузки чекисты использовали расстрелы бывших белогвардейцев². В обстановке расхлябанности надзора случались инциденты: 15 мая в Енисейском ДЛС арестанты набросились на надзирателей и совершили попытку побега, но один из беглецов был убит³. Согласно доносу руководства районной речной милиции, в губернской тюрьме служили «старые» надзиратели, которые способствовали налаживанию переписки между заключенными – бывшими офицерами и лицами на свободе⁴. К середине июня 1920 г. численность заключенных Красноярского ДЛС состояла из 1,5, а в целом по губернии – упала до 2 тыс. человек. Данные лица продолжали находиться в скученном состоянии и антисанитарных условиях. Недоедание и отсутствие медицинской помощи вызвали распространение среди них тифозных заболеваний.

С переполненностью тюрем и в соответствии с карательной политикой государства начали возникать лагеря, которые должны были функционировать под руководством созданного 12 мая 1920 г. подотдела принудительных работ Сибревкома во главе с И. П. Корчагиным. 22 мая того же года он санкционировал создание такого же подотдела в структуре Енисейского губернского ревкома. Но в силу разных причин этот орган обрел самостоятельное лицо только в августе 1920 г. Руководимый коммунистом А. А. Хребтовым, он состоял из административного, хозяйственно-финансового и учетно-распределительного отделов, которые и занимались налаживанием деятельности местных лагерей⁵.

Существовавший в Красноярске лагерь содержал до 8 тыс. военнопленных, находившихся без определенных занятий. Выживали

² Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 80.

³ ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 157. Л. 7.

⁴ ГА КК. Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 232. Л. 42.

⁵ ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 168. Л. 100.

заключенные в условиях, которые очевидец описывал так: «Меня, как человека грамотного, взяли работать в лагерную контору, которая помещалась в каменном доме. Ночью я спал на том же самом столе, на котором работал днем. В помещении было холодно, в чернильнице застывали чернила, и их приходилось оттаивать на плите или на железной печке. Проспав одну или две ночи на столе, я переселился на плиту. Чтобы на ней не изжариться, я клал на нее доски» [Борис Смирнов].

В мае–июне 1920 г. губернский отдел по эвакуации населения (губэвак), откомандировав заключенных на различные копи и заводы, в ведение отдела распределения рабочей силы, провел разгрузку этого лагеря и сократил его контингент до 1 тыс. человек. Используя его материальные средства и заключенных, власти 25 мая 1920 г. организовали на енисейском правобережье вблизи Красноярска концентрационный лагерь № 1. Его комендантом был назначен коммунист М. Е. Кудряшев, первыми узниками стали 450 военнопленных. Они обслуживали электростанцию, плашкоут, мастерские затона, мельницы и каменоломни, обеспечивали погрузку угля на железнодорожной станции, трудились в советских и военных учреждениях⁶.

27 июля 1920 г. подотдел принудительных работ Сибревкома указал соответствующему органу в Красноярске перевести лагерь вновь в военный городок и расширить его емкость до 5 тыс. заключенных. На следующий день лагерный контингент был помещен в шести земляных бараках, окарауливаемых 40 красноармейцами 369 и 370-го батальонов войск внутренней охраны (ВОХР). С прибытием 236 арестованных, в основном бывших офицеров-мадьяр, численность заключенных на 1 августа выросла до 711 человек⁷.

⁶ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 7, 25; Д. 186. Л. 19; Д. 329. Л. 1–4, 19, 24; Д. 342. Л. 1–2, 5; ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 167. Л. 92–94.

⁷ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 342. Л. 10–11, 17–18.

Данные лица разделялись на три категории: к первой относились иностранные военнопленные, ко второй – служившие в белой армии и к третьей – противники советской власти. Многочисленными были сначала поляки и венгры, переведенные затем в распоряжение главного управления общественных работ и повинностей. Все заключенные, прежде чем попасть в концлагерь, проходили через губернскую чеку. Приговоры оформлялись специальными протоколами особого отдела 5-й армии и ревтрибунала. В концлагерь заключались за контрреволюцию и службу в белой администрации и армии, агитацию против новой власти, проживание по подложным документам, укрытие денег, отказ от принудительных работ и с целью выяснения личности. Сроки заключения могли быть разными: от двух недель до пяти лет и окончания гражданской войны, а для подданных др. государств – до «ратификации мирного договора».

Концлагерь состоял из нескольких колоний с литерами «А» и «Б». С сентября 1920 г. в лагере начала функционировать мастерская с сапожным и портновским цехами. В них выполнялись работы, связанные с нуждами лагерников и различных советских учреждений. За свой 8-часовой труд заключенные получали 50 % общей стоимости работ. Администрация состояла из 16 человек (комендант, два помощника, бухгалтер, казначей, делопроизводитель и др.), деятельность которых вместе с караульными оплачивалась трудом заключенных. В канцелярии на каждого лагерника заводились счет и книжка, куда вносились сведения о его заработке и расходах на содержание. Заключенные делились на «зlostных», «не зlostных» и «надежных». Первая категория посылалась на тяжелые работы под конвоем, третья работала в советских учреждениях и на предприятиях без охраны, но вечером возвращалась в лагерь. Наиболее грамотные (в основном бывшие офицеры) служили на различных канцелярских должностях. При «страшной нужде на рабочие руки», наблюдаемой в Енисейской губернии, труд заключенных применялся на очистке улиц, в госпиталях, на транспорте, рудниках и заводах. Оценивался он

работодателями высоко, но удовлетворял их запросы лишь на треть. В отсутствие рабочих некоторые промышленные предприятия были вынуждены даже останавливать производство.

Большим оказался спрос на труд заключенных за пределами Красноярска. К примеру, 100 человек из них под конвоем работали на Абаканском заводе, 40 – на Торгашинской каменоломне, а 38 – в северной экспедиции, находившейся в устье Енисея. Вернувшись из нее, заключенные пожертвовали сверхурочный заработок для нужд Западного фронта.

Заключенные избирали старосту лагеря, имели право на свидание с близкими родственниками. Случалось, что лица, отбывшие наказание, продолжали оставаться в заключении, или, напротив, после рассмотрения дел специальной комиссией выпускались на свободу. К примеру, по ходатайству губернского комитета труда перед ревтрибуналом 5-й армии был освобожден узник, отбывший наказание только наполовину⁸.

С ростом лагерного контингента караул расширился до 52–55 красноармейцев. В их обязанности входило еще и конвоирование заключенных в город на работу. Внутреннюю службу несли надзиратели. При недостатке караульных нередкими являлись побегі заключенных. Так, в первой половине июля побегі совершили 14 заключенных, в частности 9-го – девять человек (М. В. Авдорин, П. И. и М. П. Итыгины, В. Е. и Т. В. Карабашлыковы, И. Н. Соловьев и др.), командированные на внешние работы. Все они были лицами, арестованными Ачинской уездной ЧК в селениях Кызыльской волости за «способствование власти Колчака». К октябрю численность беглецов возросла уже до 23–24 человек⁹. Поэтому с целью предотвращения этого явления заключенные были повязаны общей ответственностью и соучастники получали добавку к сроку. Затем побегі

⁸ Там же. Д. 342. Л. 25, 40.

⁹ Там же. Д. 342. Л. 11, 16, 25; Д. 716 а. Л. 18.

стали наказываться десятикратным увеличением времени заключения и даже судом ревтрибунала с вынесением расстрельного приговора.

Несмотря на обслуживание заключенных специально выделенными фельдшерами и помывку в бане, слабое обеспечение продуктами, недостаточность одежды и обуви, а также распространение антисанитарии привели к росту среди заключенных голода, цинги и тифа. В бараках из-за дефицита в керосине и слабого подвоза дров отсутствовало освещение и тепло.

С прибытием новых заключенных и освобождением немногих из них численность лагерного контингента в Красноярске постоянно менялась. К 1 сентября здесь насчитывалось 1178 мужчин и 34 женщины, на 28-е – 1425 заключенных обоего пола. Наряду с русскими по национальности заключенными, здесь же находились 134 бывших военнослужащих поляков и 140 австрийцев. Высоким являлось представительство интеллигенции: заключенными были три профессора, два художника, семь артистов, два священника, четверо агрономов, 19 чиновников, около 30 учителей, более 20 юристов, 67 делопроизводителей, конторщиков и пр. Большинство заключенных являлись лицами, осужденными по политическим статьям.

Одним из таких политических «преступников» и упомянутых ученых был профессор Нантского университета (Франция), доктор естественных наук В. В. Сабашников, вскоре освобожденный и назначенный руководителем Красноярской опытной станции и затем расстрелянный по делу «Трудовой партии» [Шекшеев, 2021, с. 613]¹⁰. Здесь же срок отбывали бывший Красноярский городской голова А. П. Музыкин, ученый, библиограф и книговед из Иркутска Г. И. Поршнев, наказанные за якобы антисоветскую деятельность, а также в прошлом артист А. С. Знаменский, служивший белым офицером, а теперь назначенный администратором Сибирской областной государственной капеллы. Творческими людьми в

¹⁰ Там же. Д. 712. Л. 31.

долагерной жизни были декоратор-живописец И. И. Преображенский, художники Е. Н. Ракикт и Соломин, гончар М. Н. Шишлаков и профессиональный график И. И. Ляхов. Среди заключенных были представители европейского искусства: венгры-художники И. Буда, Г. Рийман, архитектор Д. Ланга, австриец-литограф Г. Микшика и немец-архитектор Б. Кольгард. По особым запискам многие из них беспрепятственно отпускались на работу в местные театры, где служили режиссерами, музыкантами и артистами [Во глубине сибирских руд...; Строй, 2017].

В местзаках назначенная новая администрация в срочном порядке занималась улучшением питания, организацией общественных работ и их разгрузкой. 25 июля при карательном подотделе начала свою деятельность специальная комиссия, которая занялась распределением осужденных по местам заключения и возбуждением перед судебными органами ходатайств об их досрочном освобождении. Были приняты экстренные меры по расширению в Красноярском учреждении тюремной больницы.

Какая-то часть проблем содержания заключенных решалась их собственными усилиями. Для спасения от голода и цинги они за Красноярском засеяли пшеницей, овсом и картофелем 30 тыс. десятин земли, стали предоставляться в качестве рабочей силы в военно-инженерную дистанцию¹¹. В августе–сентябре ежедневно на принудительные работы из Красноярского ДЛС привлекали более 200–370 арестантов. Они обрабатывали поля и огороды, ухаживали за скотом, заготавливали дрова, трудились в мастерских и осуществляли ремонт помещений. Земледельческая колония «Знаменский скит», где ежедневно работали до 100 заключенных, вырастила и собрала урожай овощных и хлебных культур¹².

¹¹ Там же. Д. 186. Л. 15–16; Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 73.

¹² ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 347. Л. 31, 33.

Однако зачастую меры, предпринимаемые властями для улучшения содержания заключенных, были недостаточными. Поэтому некоторые надзиратели порой разрешали голодающим узникам при выезде за дровами отлучаться в город для покупки хлеба. Такое их поведение наказывалось: 30 сентября 1920 г. состоялось судебное заседание губернского ревтрибунала (ГРТ), рассмотревшего дело двоих служащих Красноярского ДЛС, обвиняемых в халатном отношении к службе. Один из них был условно приговорен к шести месяцам принудительных работ, а другой – оправдан и возвращен на прежнее место работы¹³.

Осенью 1920 г. существовавшая в тюрьмах система принудительного труда окрепла, масштабы ее увеличились. В октябре–ноябре ежедневно на внешние работы из стен Красноярского, Енисейского, Ачинского, Канского и Минусинского ДЛС выводились более 800 заключенных. Их силами производилась заготовка дров в таежных урочищах на р. Мане, выгонялись деготь и смола и разгружался хлеб на мельницах. Кроме того, Красноярский ДЛС обзавелся столярной, слесарной, сапожной, кузнечной, гончарной и пр. мастерскими, а Минусинский – еще и производством зимней одежды и обуви для нужд армии. В целом в ДЛС стали функционировать 35 мастерских, в которых были заняты почти 200 специалистов и заключенных.

Тогда же паек, выдаваемый лагерникам, перестал делиться на «усиленный» и «голодный», для заключенных – занятых трудом и неработающих – была введена единая норма. В декабре 1920 г. Красноярском, Енисейском и Канском ДЛС открылись школы по ликвидации неграмотности и в первом из них стал функционировать театр, коллектив которого поставил несколько спектаклей¹⁴.

К этому времени Красноярскому лагерю были отведены еще четыре барака военного городка. Здесь открылось женское отделение, появился

¹³ ГА КК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 163. Л. 100–101.

¹⁴ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 359. Л. 44; Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 138. Л. 91, 103, 122.

культпросвет с клубом и сценой, а также библиотекой-читальней, располагавшей 400 книгами, брошюрами и газетами¹⁵. За месяц силами заключенных были поставлены 11 спектаклей, прочитаны восемь лекций, а для ликвидации неграмотности и малограмотности организованы три школы. Некоторые заключенные стали петь в хоре¹⁶. В лагере выпускался научно-литературный журнал, иллюстрации к которому рисовали художники из числа заключенных, была организована работа секций: научной, театральной и музыкально-вокальной. Их руководители назначались на должности лагерным начальством и получали специальный паек [Во глубине сибирских руд...; Строй, 2017].

С августа–сентября 1920 г. красноярские лагерники постоянно пополнялись новыми партиями, в частности прибывавшими из Иркутска. Но дальнейшее их размещение здесь было затруднено отсутствием мест и бытовых условий. Теперь лагерь помещался в каменном корпусе, где находились квартиры администрации, общежитие для писарей, канцелярия, а также в семи землянках-бараках с камерами, кухней, пекарней и мастерскими, больше подходящими для летнего содержания заключенных.

Расширение лагерного контингента заставило власти обратиться к созданию новых лагерей. 24 августа в Минусинском уезде был организован временный Абаканский лагерь № 3, предназначенный для обслуживания местного железоделательного завода. С 28 сентября стал функционировать Ачинский концлагерь № 2¹⁷. Заключенные трудились и на руднике «Юлия». Но в ночь на 25 ноября напавшая на поселок банда разоружила конвой и увела с собой 23 человек. Остальные же разбежались¹⁸.

Осенью 1920 г. началась отправка на родину иностранных военнопленных. В первой половине ноября Енисейский губэвак подготовил

¹⁵ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 342. Л. 25, 30–31, 40, 47; Д. 716 а. Л. 18.

¹⁶ ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 168. Л. 101.

¹⁷ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 340. Л. 24, 47.

¹⁸ ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 168. Л. 148.

к отъезду 900, затем – еще 1600 таких лиц [Иванова, 1994]. Начавшаяся репатриация, вероятно, уменьшила численность заключенных. К 1921 г. во всех трех лагерях находились 1647, в т. ч. в Красноярском – 1521, Ачинском – 32 и в Абаканском – 94 человека¹⁹.

При этом происходило дальнейшее налаживание системы принудительного труда посредством организации новых лагерей. Так, 4 декабря 1920 г. местные коммунисты, собравшись в уездном исполкоме (УИКе), заслушали информацию о создании Минусинского лагеря. Они решили сосредоточить 300 заключенных на опытном поле, где имелись жилищные условия²⁰. Приказом коменданта Минусинского лагеря от 24 января 1921 г. Абаканский лагерь был ликвидирован и вместо него в Абазе стало действовать отделение²¹.

По-прежнему основным занятием лагерников были общественные работы. В декабре 1920 г. в советских учреждениях Красноярска служили 340 заключенных. Остальные же занимались заготовкой дров и погрузочными работами. Данные лица получали красноармейский тыловой паек, а занятые на тяжелых работах поощрялись дополнительными продуктами от работодателей. Некоторые из них за трудолюбие и примерное поведение поощрялись проживанием на частных квартирах. Другие, случалось, по ходатайству учреждений досрочно освобождались. Была улучшена охрана заключенных: часовые были выставлены через 100 шагов, на внешних работах один красноармеец конвоировал 10 человек.

Следствием этого стало уменьшение побегов. В декабре бежавшими числились лишь шесть человек, а двое беглецов с Абаканского завода были убиты. К концу 1920 г. миновал дровяной кризис, некоторым заключенным

¹⁹ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 716 а. Л. 18.

²⁰ ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 29. Л. 82, 90.

²¹ Там же. Д. 168. Л. 148; Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 1135. Л. 75.

были выданы катанки и полушубки. Согласно амнистии в честь трехлетия Октября, постановлениями Енисейской, Иркутской и Томской губернских чека были освобождены 1,3 тыс. заключенных, в частности, в лагерях губернии свободу получили 354 человека²². В январе 1921 г. постановлениями чекистских ведомств в Енисейской и Иркутской губерниях были освобождены еще 256 заключенных²³.

К февралю 1921 г. во всех тюремных учреждениях, которые не входили в лагерную систему, функционировали мастерские, где трудились от 256 до 306 человек. Еще 300–400 заключенных Красноярского местзака выводились на внешние работы. Однако они по-прежнему находились в тяжелых бытовых условиях. Несмотря на доставку дров, лагерники проживали в сырых помещениях, из-за отсутствия спецодежды не могли подвергнуться дезинфекции. Поэтому к февралю 1921 г. более 100 заключенных болели сыпным тифом²⁴.

Расширение принудительных работ в лагерях тормозилось отсутствием должного состава караульных. Вследствие этого по распоряжению отдела управления Енисейского губернского исполкома (ГИКа) от 22 февраля 1921 г. Красноярский лагерь был переведен в помещение пересыльной тюрьмы. Для улучшения организации принудительных работ в уездах власти приступили к созданию соответствующих бюро в Ачинске, Енисейске, Минусинске и Канске. Приказом по ГИКу подотдел принудительных работ был переименован в губернский подотдел общественных работ и повинностей²⁵.

С прибытием новых заключенных контингент их в Красноярском лагере к марту 1921 г. составлял 835 мужчин и 22 женщины, в Минусинском – 80 и в Ачинском – 35 лиц обоего пола. Вероятно, из-за двух совершенных

²² ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 716 а. Л. 20; ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 168. Л. 101, 141, 148.

²³ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 716 а. Л. 33.

²⁴ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 280. Л. 120.

²⁵ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 674. Л. 3, 13.

побегов в начале марта заключенные Красноярского лагеря, хорошо зарабатывавшие на обслуживании 80 советских учреждений и проживавшие на квартирах, были возвращены за колючую проволоку. При этом в апреле они продолжали обслуживать 50 работодателей.

В условиях общей разрухи губернский распределительный отдел сократил продуктовое довольствие заключенных на 40 %. Питание их ухудшилось, а пятимесячное отсутствие мыла способствовало развитию чесоточных и кожных заболеваний. Усилившаяся заболеваемость привела более 340 узников к амбулаторному лечению²⁶. Но к маю 1921 г. были совершены восемь побегов и лишь один из беглецов оказался пойманным²⁷.

Перевоспитанию заключенных способствовал не только их труд на пользу общества. Созданный в Красноярском лагере культпросвет, состоявший из 17 служащих канцелярии, активно начал ставить спектакли, которые в январе 1921 г. посмотрели три и в феврале 4,5 тыс. лагерников, а также 6,5 тыс. красноармейцев и жителей одного из окрестных селений. В марте силами энтузиастов были поставлены 10 спектаклей. Их зрителями стали 2,1 тыс. человек. Некоторые постановки пользовались большой зрительской симпатией. Кроме драматического кружка, заключенные стали посещать и музыкальную секцию. Организованное ими концертное отделение в апреле прослушали 500 человек²⁸.

Но по наличию заключенных лагеря в уездах так и не стали большими. 5 марта 1921 г. закрытию подвергся Минусинский лагерь, а его заключенные с открытием навигации были доставлены в Красноярский лагерь. Часть их осталась на Абаканском заводе и считалась отделением последнего. В связи, вероятно, со слабой загруженностью делами подраздел принудительных работ в Минусинском УИКе был упразднен. Его функции перешли к отделу

²⁶ Там же. Л. 4, 13, 26.

²⁷ Там же. Д. 716 а. Л. 196.

²⁸ Там же. Д. 674. Л. 4, 13, 26; Д. 716 а. Л. 33.

управления, который лишь направлял осужденных на принудительные работы без лишения их свободы²⁹.

К лету 1921 г. во всех лагерях содержались 1 тыс. заключенных, которые находились, по признанию самих властей, в бытовом «катастрофическом положении». Цинготные заболевания выросли на 40 %, а кожные – наблюдались в 591 случае. Несмотря на такую обстановку, в Красноярском лагере были организованы колонии по починке, изготовлению обуви для Красной армии и производства кирпича, а многие заключенные трудились сверхурочно³⁰. С 15 апреля по 1 августа 1921 г. сотрудниками карательного подотдела для организации и упорядочения медико-санитарного дела в местах лишения свободы были оборудованы больницы, но смертность в них по-прежнему была большой и составляла в Красноярском ДЛС 10,5, Канском – 4, Ачинском – 10 и в Минусинском – 5 % от числа заключенных [Во глубине сибирских руд...].

Существовавший в двух бараках бывшего переселенческого пункта, Красноярский лагерь к августу 1921 г. принял более 100 лиц обоего пола, выпустил на свободу 47 и содержал 1154 человека. Располагая такой рабочей силой, подотдел заключал договоры с учреждениями об ее предоставлении при условии обеспечения заключенных продуктами питания. Одна из колоний закончила работы по ремонту оборудования кирпичного завода, а другая – приступила к изготовлению кирпича. Его выпуск в августе вырос до 100 тыс. штук. Погрузочно-разгрузочная рота из 70 заключенных способствовала перевозке 800 тыс. пудов продовольственных грузов для центра. Заключенные пополнили доходы лагеря, заработав 10 млн рублей денежных средств³¹. Осуществленная в августе 1921 г. отделом юстиции Сибревкома ревизия Красноярского лагеря не нашла в его пределах 662 из

²⁹ Там же. Д. 674. Л. 26; Д. 879. Л. 90.

³⁰ Там же. Д. 716 а. Л. 196, 209.

³¹ Там же. Д. 632. Л. 43, 108.

1002 заключенных. Откомандированные на постоянные работы в советских учреждениях, они проживали на рабочих местах³².

В то же время заключенные получили возможность знакомиться с 300-книжным пополнением библиотеки и 36 лекциями, прочитанными своими же товарищами по политэкономии и культуре. За июль месяц труппа культпросвета поставила пять спектаклей, а 20 заключенных приступили к изучению английского языка.

Однако нормы питания заключенных постоянно не выдерживались. Одеждой заключенным служили отрепья, а 3/4 их зарплаты удерживались на покрытие расходов по их содержанию. Поэтому участились побегі. За июль–август бежали 25 заключенных³³.

Еще одним фактором, уменьшившим рабочую значимость Красноярского лагеря, стала отправка на родину иностранных военнопленных. Так, с отъездом в Москву бывших офицеров-венгров закрылось одно из его отделений. Но в сентябре 1921 г., по свидетельству краеведа, на территории бывшего 8-го начального городского училища, расположенного в слободе им. III Интернационала (Николаевка), был организован еще один концентрационный лагерь, в котором содержались военнопленные поляки из бывшей 5-й дивизии [Шубникова]. По сведениям одного из авторов, по амнистии 1921 г. Красноярский лагерь должны были покинуть 1300 узников. Однако амнистированных, как правило, из концлагеря не выпускали, а продолжали использовать на принудительных работах [Киселев, 1992].

Назначив комендантом вместо Чемоданова Упеника, коллегия отдела управления ГИКа 10 февраля 1922 г. объявила о переводе Красноярского лагеря на самоокупаемость. К этому времени Сибирь начала принимать

³² Там же. Д. 719. Л. 103.

³³ Там же. Д. 632. Л. 43, 108.

военнопленных из разбитых в Монголии белых войск. Насчитывая около 6 тыс. человек, они сразу же переполнили имевшиеся места заключения³⁴. В соответствии с постановлением губернского Административного совещания от 29 января 1922 г. в Красноярском лагере размещались прибывавшие пленные из бывшей армии генерала А. С. Бакича. 4 апреля данное совещание возложила охрану ДЛС на конвойную команду и 17 апреля прекратило откомандирование на внешние работы рецидивистов³⁵.

Но уже в апреле по предписанию ГРТ и особого отдела 26-й дивизии были освобождены около 430 находившихся в лагере бакичевцев и крестьян, осужденных за неуплату продналога. Шестью эшелонами на запад из Красноярска были вывезены поляки, в т. ч. и те, что находились в одном из отделений лагеря. В нем остались 884 человека, из них 715 являлись только что прибывшими военнопленными. В связи с выбытием людей были ликвидированы некоторые мастерские, а численность откомандированных упала до 133 человек. Распространившаяся эпидемия заболеваний, в частности тифа, заставила 500 человек обратиться к врачам, а 102 – лечиться в больнице³⁶.

К тому же, губернский отдел юстиции, действуя в соответствии с постановлением Административного совещания от 10 мая 1922 г., рекомендовал судебным органам в уездах наказывать крестьян, саботировавших выполнение продовольственных заданий, преимущественно принудительными работами без лишения свободы³⁷. С 1 июня 1922 г. содержание мест заключения было переведено на местные денежные средства. Вследствие этого образовалась большая задолженность по выплате заработной платы служащим³⁸.

³⁴ Там же. Д. 1011. Л. 180.

³⁵ Там же. Д. 879. Л. 136; Д. 879 а. Л. 53, 58.

³⁶ Там же. Д. 872. Л. 76–77, 89, 108.

³⁷ Там же. Л. 106.

³⁸ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 344. Л. 11.

Сокращение численности заключенных Красноярского лагеря не помешало им активно участвовать в спешной переброске грузов, поступивших с открытием навигации из Минусинского уезда, к железнодорожной станции. Лица, занятые в портновской мастерской, выдерживали конкуренцию с частными предпринимателями. Слесарная мастерская обогатилась заказами на изготовление жестяных печей. С целью повышения материальной заинтересованности лагерников принимались меры по улучшению их питания: лица, откомандированные в южные селения региона, приступили к закупке у населения скота и муки, что позволило увеличить паек почти в 2 раза. Вновь открывшийся культпросвет в своем составе имел театральную, хоровую, лекционную и по обучению неграмотных секции. С 18 июня под руководством заключенного начала функционировать школа грамотности, в которой насчитывалось 25 учащихся³⁹.

К августу 1922 г. Красноярский лагерь располагался в трех деревянных корпусах, обнесенных забором с проволочным ограждением. Здесь проживали 770 заключенных, из них 617 бывших бакичевцев. В сентябре они были перемещены в помещение частично сгоревшего музея. По-прежнему заключенные были заняты трудом в советских учреждениях и лагерных мастерских. За отказ от работы и игру в карты они наказывались помещением в карцер. Но теперь уровень выделяемого довольствия вырос, заключенным предоставлялась половина заработанных денег и за ударный труд они премировались продуктами и обмундированием. Из них 287 человек смогли пройти амбулаторное лечение. Несмотря на то, что книжный фонд библиотеки с переездом на новое место уменьшился с 1,9 до 1,3 тыс. экземпляров, она пользовалась большим спросом. Начался сбор книг в нее по подписным листам. Наряду с постановкой спектаклей и приглашением на

³⁹ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 872. Л. 88, 106–107.

женские роли любительниц из города, заключенные организовали в красноярском саду выставку и продажу до 100 своих изделий, а также лотерею и аукцион⁴⁰.

Начиная с сентября 1922 г. началось массовое освобождение заключенных. Вследствие выбытия из лагеря 479 бакичевцев и досрочного освобождения некоторых осужденных, численность заключенных сократилась до 163 человек. Соответственно до 27 лиц уменьшился штат надзирателей. Какая-то часть заключенные стала проживать в лагере без содержания под стражей. Получая отчисления от зарплаты, они могли оплатить помывку в бане, приобрести одежду и продукты. Добавку к продовольственному пайку заключенные получали от содержания огорода и скота. Продолжались их командировки на работы в советские учреждения и такие предприятия, как, например, Знаменский стекольный завод, текстильный комбинат и пр. Но большинство заключенных были заняты работами по восстановлению помещения музея и в мастерских. Последние, используя более низкие по сравнению с частниками цены, были завалены заказами, но из-за отъезда мастеров выполняли их медленно⁴¹.

Поскольку с окончанием Гражданской войны количество заключенных сократилось и соответственно упало выполнение принудительных работ, назрела реорганизация карательно-исправительных учреждений. Она состоялась в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 25 июля 1922 г. 12 октября того же года совместным постановлением наркоматов юстиции и внутренних дел было организовано Главное управление мест заключения (ГУМЗ) НКВД. Проходивший 5-8 декабря 1922 г. IV Енисейский губернский съезд советов информировал своих участников о реформе пенитенциарной системы. Местзаки были переведены на губернский бюджет и стали

⁴⁰ Там же. Д. 879. Л. 152; Д. 879 а. Л. 111, 113.

⁴¹ Там же. Д. 872 а. Л. 55–57.

подотчетными отделу управления ГИКа. Подотдел исправительного труда был преобразован в губернское управление местами заключения⁴².

Однако местные власти не смогли в полном объеме обеспечить проводившуюся пенитенциарную политику соответствующими денежными средствами. Имевшиеся финансы подрывались, например, предоставлением их для перевозки освобожденных заключенных. Находившиеся на съезде делегаты свидетельствовали, что амнистируемые лица получали свободу, будучи «голыми, босыми, без куска хлеба», вышедшие из Ачинского ДЛС 80 заключенных находились в «критическом положении», а его служащие пять месяцев не получали жалования. Меры, принимаемые администрацией этого учреждения по созданию мастерских, не были действенными, т. к. многие заключенные были раздеты и не могли выходить на работу⁴³.

Разгрузка местзака в Красноярске включала не только амнистирование заключенных, но и «очищение» его, согласно распоряжению губернского отдела ГПУ, от представителей «антисоветских» партий и рецидивистов. Определив их в категорию административно-ссыльных, прокуратура и милиция выслали данных лиц за пределы города. Но высокая текучесть заключенных, наличие большого количества подследственных не позволяли использовать их здесь как самокупаемую рабочую силу.

Несмотря на скверные санитарно-гигиенические условия, в которых находились арестанты, болевшие малярией, проверка, осуществленная губернской прокуратурой 15 декабря 1922 г., показала, что содержание их в Красноярской тюрьме, где начальником тогда был некий Матсон, улучшилось: переполнения камер не наблюдалось, пища заключенных была удовлетворительной, ежедневно они слушали лекции, а два раза в неделю ставили спектакли⁴⁴.

⁴² ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 226. Л. 24, 151.

⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 39.

Вместе с тем в условиях рыночной экономики исправительно-трудовые лагеря оказались не способными функционировать на принципах самоокупаемости. Содержание заключенных, все еще находившихся в Красноярском лагере, ухудшилось. 16 декабря того же года прокуратура выявила, что, вследствие непригодности помещений, оно здесь стало «в высшей степени ненормальным». В столярной мастерской местом ночлега заключенных служили верстаки, а печь в общежитии не топилась. Пол в околотке мылся раз в неделю. При входе на кухню находились неубранные остатки пищи, брошенная капуста распространяла зловонный запах. На стенках бочки, из которой заключенные брали воду для питья, лежал слой грязи. Заключенные мужчины и женщины содержались в одном помещении, где надзиратели по ночам склоняли арестанток к сожителству, а пытающихся протестовать мужчин избивали⁴⁵.

Власти по-прежнему использовали заключенных в качестве прорывной рабочей силы. Так, в январе 1923 г. силами губернского местзака была проложена железнодорожная ветка от Коркино до военного городка. Это «шефство» было оплачено предоставлением его участникам 400 продовольственных пайков⁴⁶.

Между тем пайковое довольствие в местзаках на 1 февраля того же года оставалось недостаточным и не могло заинтересовать даже обслуживающий персонал. Поэтому на 308 штатных должностей надзора приходились лишь 222 работника, распределенных следующим образом: 99 человек в три смены охраняли местзаки на наружных постах, 75 – наблюдали за хозяйственной деятельностью заключенных, а 48 – находились на выводе пр. арестантов. Конвойная команда, состоявшая из 196 лиц, на охране

⁴⁵ Там же. Л. 31, 40.

⁴⁶ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1060. Л. 15.

местзаков имела только 33 поста. Остальные конвоиры использовались, видимо, не по назначению⁴⁷.

Вместе с тем при штатном расписании в 1402 заключенных в местзаках содержались 2109 человек. Больше всего заключенных находилось в Красноярской тюрьме, раза в четыре меньше – в Минусинской (200-300 узников), затем в Канской (60-200), от 15 до 80 человек отбывали срок в Ачинском и Енисейском местзаках. Лица, находившиеся в тюремных застенках, состояли из 900 «следственных» и 1200 «срочных» заключенных, т. е. из ожидавших приговора суда и уже отбывавших свой срок наказания. Из последних 262 лица содержались в строгой изоляции, 71 – был рецидивистом и 30 – отбывали наказание уже более двух раз. Из-за скудного пайка, отсутствия зимней одежды и обуви многие заключенные болели. На 1 марта 1923 г. в енисейских тюрьмах насчитывались 242 больных, или 11,4 % от их общего контингента, в т. ч. 13 страдающих от тифа и 8 – от малярии. Но ежедневный наряд для внешних работ, осуществляемых заключенными по специальным договорам в различных организациях и хозяйствах губернии, доходил до 600 человек.

Кроме занятий физическим трудом заключенные, среди которых лишь 18–20 % могли читать и писать, получили возможность обучаться грамоте. Более 70 заключенных в Красноярском, Ачинском и Минусинском местзаках посещали школы грамотности и около 45 – школы разных ступеней. Другие – занимались в хоровых и музыкальных кружках, слушали лекции и ставили спектакли, но конкурировать с коллективами городских театров были уже не в состоянии⁴⁸.

Вероятно, последними лагерными узниками являлись бывшие бакичевские офицеры. 2 февраля 1923 г. ВЦИК РСФСР заслушал ходатайство 169 таких лиц, осужденных ревтрибуналом 5-й армии и

⁴⁷ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 73.

⁴⁸ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 359. Л. 45.

отбывавших срок в Красноярском лагере. Оно было послано на заключение Сибревкома. Назвав этих людей «пассивными участниками авантюры», областной орган в ответном обращении во ВЦИК от 23 марта того же года сообщил, что счел возможным некоторых из них амнистировать, а у др. – сократить срок наказания⁴⁹.

Положение енисейских мест заключения стало улучшаться с приближением весны 1923 г. В них увеличился выдаваемый заключенным продовольственный паек, улучшилось санитарное состояние и был отремонтирован ряд зданий. Мартовский того же года пленум ГИКа доложил о ликвидации скопившейся с прошлого года задолженности по зарплате тюремному персоналу и отпуске в феврале–марте денежных средств на организацию трудовых предприятий⁵⁰.

Коммунисты приняли меры к замене лиц, дискредитировавших себя на руководящей работе в местзакзах. Так, по предъявлению губернской прокуратуры 17 марта 1923 г. президиум Минусинского уездного комитета РКП(б) решил заменить администрацию местного ДЛС. Обвиняемый в пьянстве и злоупотреблениях, его начальник и коммунист с 1920 г. Г. С. Керин 24 июля губернским комитетом был лишен партийного билета. Тогда же по этой причине был снят с должности и получил выговор по партийной линии коммунист с 1918 г. В. П. Усов⁵¹.

В результате замены администрации Минусинский ДЛС, переведенный на полную самоокупаемость, смог «изворачиваться» и содержать 50 служащих и 450 заключенных, из коих 187 – находились под следствием. Развернув посеvy, они организовали огород и сад, мастерские и мельницу, собственное животноводческое хозяйство и тем самым улучшили свое положение. Проводившаяся политико-просветительная работа охватила

⁴⁹ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1011. Л. 165–166.

⁵⁰ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.

⁵¹ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 441. Л. 98; Д. 498. Л. 40.

100–120 заключенных. Они получили возможность ставить спектакли и знакомиться с литературой в библиотеке, насчитывавшей 800 томов [Власть труда (Минусинск). 1923. 22 августа].

Положительных результатов достигли власти и при организации деятельности Канского местзака. Здесь на 7 сентября 1923 г. содержались 158 краткосрочных и долгосрочных осужденных, а также 130 подследственных. Они использовались на внешних работах и трудились в мастерских. Однако сроки нахождения в тюремных стенах у некоторых заключенных оказались превышенными. Получив заявления таких лиц, проверяющие указали помощнику губернского прокурора о необходимости разгрузки учреждения⁵².

Но в целом по местам заключения их переполненность и отсутствие должной охраны способствовали совершению узниками побегов. Так, например, с января по октябрь 1923 г. губернская прокуратура зафиксировала 104 случая самовольного оставления ими своих узилищ. При этом сроки наказания заключенных являлись сравнительно незначительными: на 1 октября того же года из 355 узников Красноярского учреждения срок заключения до двух месяцев имели 76, до шести – 100, до двенадцати – 162 и до восемнадцати месяцев – 17 человек. Массовым было освобождение заключенных по амнистии. К примеру, в середине декабря она охватила 40 % из 300 лиц, отбывавших наказание в Минусинской тюрьме⁵³.

Между тем положение мест заключения ухудшалось. За январь – апрель 1924 г. для их поддержания финансовые органы губернии смогли выделить лишь 16 % от запрашиваемых денежных средств. Этой суммы хватало в основном на выплату зарплаты сотрудникам. Просьба местных органов о переводе Красноярского местзака на государственное обеспечение Совнаркомом была отклонена.

⁵² ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 202 об.

⁵³ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 337. Л. 142.

Губернские и уездные власти принимали меры по укреплению тюремных кадров. К маю 1924 г. за несоответствие и халатное отношение к службе из мест заключения были уволены 70 человек. Отстранению от должности подверглись начальник Минусинского и заведующий учебно-военной частью Канского учреждений. Имеющийся кадровый недостаток восполнялся направлением на работу коммунистов. В результате даже при ничтожной зарплате численность лиц, работавших в местах наказания на 1 мая, увеличилась до 252 человека, из них 24 – служили в администрации и 174 – в надзоре.

Однако в тюрьмах по-прежнему не хватало преподавателей-воспитателей и караульных. Лишь в июне 1924 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР в корпусе Конвойной стражи были введены военная дисциплина и укомплектование его через Наркомат военных и морских дел. Но конвойная рота охраняла заключенных только в Красноярске. Окарауливание пренисейских тюрем выполняли надзиратели, которые, случалось, не имели даже исправного оружия. Конвой из-за малочисленности с трудом нес наружную охрану, а сопровождение в следственные и судебные органы осуществлял с перебоями.

К лету 1924 г. места заключения покинули 1646 заключенных, в т. ч. свободу получили 1036 крестьян, и прибыли 1728 осужденных. В тюрьмах находились 598 подследственных и 964 срочных заключенных. Из них 306 были в строгой изоляции, а 42 – являлись рецидивистами. С уменьшением численности подследственных лица данных категорий превратились в основной контингент заключенных.

Вследствие нахождения под следствием, длившегося от трех месяцев до года, в Красноярском и Канском учреждениях впервые состоялись массовые голодовки заключенных. Тюремные больницы, переведенные на местное обеспечение, не справлялись с возросшей смертностью. Постоянным явлением стали побег. Их совершили 38 человек, из них трое при поимке

погибли, девятерых задержали, пятеро добровольно сдались, но 9 апреля беглецами был убит надзиратель.

По-прежнему заключенные были обязаны трудиться на внешних и внутренних работах. Но из-за отсутствия стимулов в труде отказались от участия в них 108 человек. Вследствие низких доходов собственное производство местзакв technically оставалось несовершенным. Лишь в Красноярском учреждении приобрели техническое оборудование и запустили в эксплуатацию электростанцию. Топлива, чтобы пережить зимнее время, было заготовлено недостаточно. Осуществляемые заключенными посевы упали на 19 %.

Преподавательский состав сотрудников местзакв к маю 1924 г. проделал большую работу по культурному воспитанию заключенных: ими были прочитаны 142 лекции, обучены грамоте 835 человек. Но при наличии 336 лиц, объявленных грамотными, 568 заключенных оставались неграмотными и 871 – малограмотным. За третий квартал этого года среди заключенных были проведены 375 часов учебных занятий, которые посетили 2305 человек. В это время в местзаквах работали 11 кружков, были прочитаны 118 лекций и поставлены перед горожанами 148 спектаклей. Будучи платными, их постановки приносили выручку⁵⁴.

Ситуация с условиями содержания заключенных была столь тяжелой, что местные власти рассматривали в качестве выхода даже закрытие учреждений. Приказом от 27 января 1925 г. ГИК преобразовал Канский, Ачинский и Енисейский Дома предварительного заключения в Дома лишения свободы с содержанием в них подследственных и осужденных к 6-месячному сроку, а Минусинский и Красноярский местзакв – в исправительно-трудовые дома (ИТД), где бы находились подследственные и

⁵⁴ Там же. Д. 329. Л. 457–458; ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 78.

срочные заключенные разных категорий⁵⁵. Кроме того, действовал еще и Красноярский арестный дом.

В результате этой реорганизации в Енисейской губернии функционировали пять местзаков, из них два являлись ИТД и три – домзаками. По наличию заключенных они отличались незначительно. На конец марта 1925 г., например, в Канском домзаке, рассчитанном на содержание лишь 60 подсудимых, находился 231 человек. В начале апреля в Минусинском ИТД насчитывалось 320 заключенных, в т. ч. 250 крестьян⁵⁶.

С конца 1924 – начала 1925 г. жизнь заключенных стала регламентироваться Исправительно-Трудовым Кодексом. По мнению рабочих и крестьян, отбывавших наказание, его введение облегчило их положение⁵⁷ и способствовало приобщению заключенных к культуре. Только в Красноярском ИТД за первую половину 1925 г. были прочитаны 198 лекций, из них 126 по политическим вопросам. Большая тяга наблюдалась у заключенных к книге: в тюремной библиотеке насчитывалось 803 абонента⁵⁸.

Кадры, занятые на службе в местзаках, не были многочисленными. С середины 1924 г. тюремный персонал за год увеличился лишь с 259 до 288 человек. В Красноярском ИТД работали 165 служащих, в т. ч. 107 надзирателей и восемь представителей администрации, в Минусинском – 30, Канском домзаке – 28, Ачинском – 13 и Енисейском – 12. Нагрузка оставалась высокой: на одного надзирателя приходилось наблюдение за шестью заключенными. Во всех учреждениях наблюдалась текучесть служащих. Например, в Красноярском ИТД в первой половине 1925 г. были приняты на работу 104, а убыли 27 человек. Среди тюремных служащих встречались лица, с которыми прокуратура и администрация тюрьмы

⁵⁵ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1263. Л. 37.

⁵⁶ Там же. Д. 1679. Л. 56, 125.

⁵⁷ ГА НО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 83.

⁵⁸ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 32.

старались побыстрее расстаться. В том же ИТД были отстранены от работы помощник начальника и инспектор, под следствие отданы старший помощник начальника, два старших и несколько младших надзирателей. За халатность, продажу заключенным спиртного, педерастию и кражу были «вычищены» 17 работников, в частности четыре надзирателя⁵⁹.

Однако из-за отсутствия денежных средств режим содержания заключенных в тюрьмах становился все жестче. В первое полугодие 1925 г. за отказ от работы, оскорбление надзора, драку, пьянство и игру в карты дисциплинарные взыскания получили в Красноярской тюрьме 423, Минусинской – 59, Канской – 51 и Ачинской – 15 заключенных. Тогда же работникам прокуратуры от заключенных Красноярского ИТД поступили жалобы на отсутствие помывки в бане, наличия постельных принадлежностей и белья, невнимательность врачебного персонала, грубость надзирателей и несправедливость взысканий администрации. Участились и случаи смерти узников: к середине 1925 г. скончавшихся в Красноярской, Канской и Ачинской тюрьмах насчитывалось одиннадцать лиц.

Такое содержание толкало осужденных совершать побеги. К примеру, из Красноярского ИТД бежали 17, Минусинского – три, Канского домзака – 10 и из Ачинского – один заключенный. Случалось, что по разным причинам в Красноярском ИТД были совершены четыре казни⁶⁰.

Составной частью этой реорганизации являлась разгрузка тюрем, осуществляемая специальной распределительной комиссией. За первую половину 1925 г. были досрочно освобождены из тюрем 530 заключенных. Кроме того, список из 44 кандидатур был представлен администрацией Красноярской тюрьмы во ВЦИК для амнистии⁶¹.

⁵⁹ ГА НО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 25, 27, 83; Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 31.

⁶⁰ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 31-33.

⁶¹ Там же. Д. 3. Л. 61, 175; Д. 44. Л. 32-33.

Следствием разгрузки стало сокращение контингента заключенных. С апреля по июнь 1925 г. численность их в местзаках уменьшилась с 5451 (2130 подследственный, 2841 срочный, 480 пересыльные и 861 строгой изоляции) до 1782 человека (667 подследственные, 1000 срочные и 115 несрочные). Но к лету того же года в Красноярский ИТД поступил этап в 1617 лиц.

Служившие начальниками коммунисты (Красноярский ИТД – В. С. Ясько, Минусинский – Т. Д. Говоруха, Ачинский домзак – П. Л. Лыткин, Канский – А. Ф. Яковлев) наладили работу в них двух типографий, 19 мастерских, колбасного, булочного предприятий и прачечной. Несмотря на недостаток сырья, не позволивший получить высокую прибыль, такая занятость заключенных разрешила улучшить их питание. Но оно все же было ниже нормы⁶².

Из-за недостатка надзора и отсутствия одежды и обуви заключенные находились без работы. В таких случаях администрация успешно использовала их труд на ремонте зданий и помещений. Например, в Красноярском ИТД к лету 1925 г. заключенные произвели побелку корпуса, отремонтировали камеры, электростанцию, усовершенствовали телефонную связь, а также организовали две амбулатории и красные уголки⁶³. Наряду с общественными работами, 195 заключенных обучались грамоте⁶⁴.

В сибирских домах заключения наблюдалась «колоссальная» текучесть заключенных и переполненность ими планового контингента. Несмотря на осуществление заключенными всяческих работ, с переходом тюрем на содержание из средств местного бюджета их материальное положение становилось все более «катастрофическим». Предполагаемый к выдаче на одного заключенного паек приходился на 2,5 человека. Администрация

⁶² ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1326. Л. 95, 129.

⁶³ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 73; Д. 44. Л. 32.

⁶⁴ ГА НО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.

больше не располагала «живыми» деньгами. По этой причине во всех местах заключения, кроме Красноярского, к середине 1925 г. была свернута культпросветработа. Из-за безденежья в критическом положении находился и Енисейский домзак⁶⁵.

Существуя в таких условиях, заключенные пытались протестовать доступными им способами. В январе 1926 г. объявили голодовку двое заключенных Минусинского ИТД. Там же к середине того же года её осуществляли еще трое арестантов. Но их голодовки, как признавала прокуратура, не являлись серьезными и вскоре прекратились. Во втором полугодии 1927 г. пятеро заключенных подали в администрации енисейских тюрем заявления о намерении голодать. Акции продлились от одного до семи дней. Администрация, принимая данные заявления, ничего подрывного для режима в них не увидела, но ограничила их новыми правилами. Поэтому подобные заявления после рассмотрения их администрацией и прокуратурой чаще всего заключенными изымались обратно⁶⁶. Однако однажды находившийся под следствием по уголовным делам заключенный, помещенный за буйство в карцер, удавился полотенцем⁶⁷.

Заключение. Следовательно, с освобождением сибирских регионов от белых для содержания многочисленных военнопленных, противников советской власти и уголовных преступников большевикам пришлось использовать «старые» тюремные учреждения, которые быстро заполнились заключенными. Поэтому в связи с переполненностью тюрем и необходимостью ограничения деятельности враждебных элементов власти стали образовывать концентрационные лагеря. В Енисейской губернии их создавали прежде всего на основе существовавшего Красноярского лагеря военнопленных германской войны. Заключенные в них лица состояли в

⁶⁵ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 31, 33; Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 382. Л. 6.

⁶⁶ ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 94. Л. 7, 23; Д. 178. Л. 32.

⁶⁷ ГА КК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 979. Л. 20.

основном из лиц, осужденных по политическим мотивам. Находясь в тяжелых бытовых условиях, лагерники должны были помогать советской власти в налаживании хозяйствования и, согласно коммунистической идеологии, перевоспитываться принудительным трудом. Занятые на внешних работах и в лагерных мастерских, узники одновременно способствовали массовому привлечению людей к культуре. Заключенные тюрем так же занимались общественно-полезным трудом. Несмотря на тяжелые бытовые условия жизни, они стремились по возможности организовать свой культурный досуг, занимаясь художественной самодеятельностью, чтением книг и обретением грамоты.

Назревшая реформа карательно-исправительных учреждений обусловила сокращение их финансовой обеспеченности и соответственно падение уровня содержания заключенных. Переведенные на самоокупаемость, лагеря были закрыты. Принимаемые властями и администрацией меры вылились в реорганизацию местзачетов в исправительно-трудовые учреждения и дома заключения. Однако это действие не улучшило положение заключенного в них контингента. С обострением «классовой борьбы» опыт строительства системы заключения первых лет советской власти обрел большое значение при открытии так называемых «островов» ГУЛАГовского «архипелага».

Литература

1. Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919 – 1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. 1. С. 32–37.
2. Борис Смирнов. Воспоминания [Электронный ресурс] / URL: <http://memorial.krsk.ru/>.
3. Власть труда (Минусинск). 1923. 22 августа.

4. Во глубине сибирских руд. Пенитенциарная система Енисейской губернии XIX – начало XX века [Электронный ресурс] / URL: <https://web.archive.org/web/20210910010709/https://24.fsin.gov.ru/history/>.
5. Иванова Е. Как «веселый пансион» стал концлагерем // Вечерний Красноярск. 1994. 5 июля.
6. Иванова Е. История первого Красноярского концлагеря // Вечерний Красноярск. 1996. 12 июля.
7. Киселев Л. Кровью обагрённая Россия // Красноярский рабочий. 1991. 17 августа.
8. Киселев Л. Тайны Красноярского концлагеря. История без вырванных страниц // Красноярский рабочий. 1992. 8 августа.
9. Комарова Т.С. Тем, кто в забвенье брошен судьбой: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 138 с.
10. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в советской России: Монография. М.: Изд-во «Русайнс», 2015. 224 с.
11. Строй Л.С. Влияние художников-военнопленных Первой мировой войны на художественную жизнь Красноярска // Человек и культура. 2017. № 4. С. 25–34.
12. Судьба колчаковской армии. Письмо из Владивостока // Последние известия (Ревель, ред. Р.С. Ляхницкий). 1921. 10 августа.
13. Шекшеев А.П. Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Неизвестная история Енисейской Сибири. Минусинск, 2021. 664 с.
14. Шубникова Ю. Лагерь для военнопленных, он же 1-й красноярский концлагерь [Электронный ресурс] / URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/2010Shubnikova/0.htm>.

1. Государственный архив Красноярского края (далее – ГА КК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 441.
2. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 498.
3. ГА КК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 979.
4. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 226.
5. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 280.
6. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 329.
7. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 337.
8. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 343.
9. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 344.
10. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 359.
11. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 6.
12. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 29.
13. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 138.
14. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 157.
15. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 167.
16. ГА КК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 168.
17. ГА КК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 163.
18. ГА КК. Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 232.
19. ГА КК. Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 1135.
20. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2229.
21. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 48.
22. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186.
23. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 329.
24. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 340.
25. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 342.
26. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 347.
27. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 632.
28. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 674.

29. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 712.
30. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 716 а.
31. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 719.
32. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 872.
33. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 872 а.
34. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 879.
35. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 879 а.
36. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1011.
37. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1060.
38. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1263.
39. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1326.
40. ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1679.
41. ГА НО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 25.
42. ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 94.
43. ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 178.
44. ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 3.
45. ГА НО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 44.
46. ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 382.

References

Literature

1. Belova I.B. Forced labor concentration camps in Soviet Russia: 1919-1923 // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2013. No. 12 (38): in 3 parts of Part 1. pp. 32-37.
2. Boris Smirnov. Memoirs [Electronic resource] / URL: [http: // memorial.krsk.ru/](http://memorial.krsk.ru/).
3. The power of labor (Minusinsk). 1923. August 22.

4. Deep in the Siberian ores. The penitentiary system of the Yenisei province of the 19th – early 20th century [Electronic resource] / URL: <https://web.archive.org/web/20210910010709/https://24.fsin.gov.ru/history/>.
5. Ivanova E. How the "fun boarding school" became a concentration camp // Evening Krasnoyarsk. 1994. July 5th.
6. Ivanova E. The history of the first Krasnoyarsk concentration camp // Evening Krasnoyarsk. July 1996.12.
7. Kiselyov L. Blood-stained Russia // Krasnoyarsk worker. 1991. August 17th.
8. Kiselyov L. Secrets of the Krasnoyarsk concentration camp. A story without torn pages // Krasnoyarsk worker. 1992. August 8th.
9. Komarova T.S. To those who are thrown into oblivion by fate: The Yenisei province during the First World War. Krasnoyarsk: Siberian Printing Yard, 2007. 138 p.
10. Smykalin A.S. Colonies and prisons in Soviet Russia: Monograph. Moscow: Rusains Publishing House, 2015. 224 p.
11. Stroy L.S. The influence of artists-prisoners of war of the First World War on the artistic life of Krasnoyarsk // Man and culture. 2017. No. 4. P. 25-34.
12. The fate of the Kolchak army. A letter from Vladivostok // The latest news (Revel, ed. by R.S. Lyakhnitsky). 1921. August 10.
13. Sheksheev A.P. Organs of the Cheka/GPU/OGPU and the Bolshevik transformation of society. The unknown history of Yenisei Siberia. Minusinsk, 2021. 664 p.
14. Shubnikova Y. Prisoner of war camp, also known as the 1st Krasnoyarsk concentration camp [Electronic resource] / URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/2010Shubnikova/0.htm>.

Istochniki

- 1.The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (hereinafter - GA KK). F. P-1. Op. 1. D. 441.
2. GA KK. F. P-1. Op. 1. D. 498.

3. GA KK. F. P-60. Op. 1. D. 979.
4. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 226.
5. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 280.
6. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 329.
7. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 337.
8. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 343.
9. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 344.
10. GA KK. F. R-49. Op. 1. D. 359.
11. GA KK. F. R-49. Op. 2 p. D. 6.
12. GA KK. F. R-53. Op. 1. D. 29.
13. GA KK. F. R-53. Op. 1. D. 138.
14. GA KK. F. R-53. Op. 1. D. 157.
15. GA KK. F. R-53. Op. 1. D. 167.
16. GA KK. F. R-53. Op. 1. D. 168.
17. GA KK. F. R-448. Op. 2. D. 163.
18. GA KK. F. R-1743 p. Op. 1. D. 232.
19. GA KK. F. R-1743 p. Op. 1. D. 1135.
20. The State Archive of the Novosibirsk Region (hereinafter – GA NO). F. P-1. Op. 1. D. 2229.
21. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 48.
22. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 186.
23. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 329.
24. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 340.
25. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 342.
26. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 347.
27. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 632.
28. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 674.
29. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 712.
30. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 716 a.
31. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 719.

- 32. GA NO. F. R-1. Op. 1. D.872.
- 33. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 872 a.
- 34. GA NO. F. R-1. Op. 1. D.879.
- 35. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 879 a.
- 36. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 1011.
- 37. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 1060.
- 38. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 1263.
- 39. GA NO. F. R-1. Op. 1. D. 1326.
- 40. GA NO. F. R-1. Op. 1. D.1679.
- 41. GA NO. F. R-19. Op. 1. D. 25.
- 42. GA NO. F. R-20. Op. 2. D. 94.
- 43. GA NO. F. R-20. Op. 2. D. 178.
- 44. GA NO. F. R-20. Op. 3. D. 3.
- 45. GA NO. F. R-20. Op. 3. D. 44.
- 46. GA NO. F. R-47. Op. 1. D.382.